

НОВЫЕ КНИГИ

И. В. Павлюткин

Политическая экономия академического обм(е)ана, или Как социологи становятся профессорами

Рецензия на книгу: Соколов М., Губа К., Зименкова Т., Сафонова М., Чуйкина С. 2015. *Как становятся профессорами: академические карьеры, рынки и власть в пяти странах*. М.: Новое Литературное обозрение (серия «История науки»). 832 с.

ПАВЛЮТКИН Иван Владимирович — кандидат социологических наук, доцент департамента социологии, старший научный сотрудник Лаборатории экономико-социологических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Адрес: 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: ipavlutkin@hse.ru

Рецензия посвящена коллективной монографии «Как становятся профессорами: академические карьеры, рынки и власть в пяти странах», вышедшей в издательстве «Новое Литературное обозрение». Авторы объёмного издания преследовали две цели. Во-первых, подготовить путеводитель по академическим карьерам во Франции, в Германии, США, Великобритании и России для молодых социологов, задумывающихся о своём профессиональном пути. Опираясь на различные источники (материалы интервью, вторичные данные, автоэтнографию), авторам удалось представить институциональную историю формирования академической социологии как профессии и описать эволюцию ключевых переходов в трудовой биографии социологов пяти стран. Во-вторых, сравнив и обнаружив определённые различия в институциональных и внеинституциональных механизмах найма социологов, авторы предлагают теоретическое объяснение этих различий, используя категорию «оптические системы» как культурную рамку, через которую те или иные агенты, обладающие ресурсами и мотивами, смотрят на университеты. Поскольку, по мнению авторов, в основании динамики академических миров лежит смена «словарей подозрений», оптические системы позволяют хотя бы на время справиться с всеобщим недоверием и страхом быть обманутым «благородными жуликами». В рецензии дан краткий разбор отдельных глав книги, описаны безусловные достоинства монографии и её условные недостатки. В книге поднимается несколько важных тем, обсуждаемых сегодня в экономической социологии на разных эмпирических примерах: взаимосвязь морали и рынков; как работают стимулы и как наблюдать их эффекты; являются ли институты заменителями доверия. Несмотря на провокационность отдельных тезисов, разоблачительность комментариев и дискуссионный характер выводов, книга, безусловно, заслуживает прочтения всеми, кто так или иначе вовлечён в современную систему высшего образования и науки, — нынешними и будущими академиками, чиновниками, управленцами и, конечно, теми, кто именует себя экспертами.

Ключевые слова: академическая карьера; оптические системы; институциональная история; мораль; академические рынки; меркантилизм; мартинианский вопрос.

В своём роде академический мир является чем-то вроде сверхсложной аферы или шпионской операции под прикрытием, в которой никто до конца не может быть уверен, что знает, кто в действительности на кого работает, пока не наступила развязка — а она и не думает наступать (с. 692).

В издательстве «Новое Литературное обозрение» вышла коллективная монография о том, как устроены национальные академические миры, населённые племенами «социологов-карьеристов» в пяти странах — во Франции, в Германии, США, Великобритании и России. В книге собраны и обобщены результаты нескольких исследовательских проектов, реализованных коллективом авторов в рамках социологии локальных академических сообществ и теории статусного символизма в науке (с. 24).

Дать ёмкое и говорящее название рецензии на прочитанную книгу — дело непростое. В книгу включено слишком много отдельных вопросов, тезисов и аргументов. Она также изобилует теоретическими вставками и концептами — здесь переплетены и статусный символизм в науке, и разные версии институционализма, и политическая экономия университетов, и стратегическая коммуникация академических агентов. Несмотря на, казалось бы, узкий интерес авторов именно к карьерам социологов, эти последние являются в книге, скорее, наглядным примером или поводом для того, чтобы пообсуждать более широкие вопросы организации академического поля и возможностей адекватного теоретического и практического взгляда на его устройство. В начале книги авторы обозначают два плана её замысла. Первая цель заключается в подготовке путеводителя для начинающих и прагматичных академиков¹, задумывающихся о собственном будущем в социологии. Описанные случаи национальных систем академического найма сопровождаются практическими рекомендациями для желающих попасть в струю карьерного продвижения. Кто-то после прочтения книги поймёт, что уже опоздал, отучился не в том месте или не в то время либо не готов тратить свою жизнь на жёсткую конкурентную борьбу, а кто-то, наоборот, почувствует силы в покорении академического олимпа где-нибудь в Германии или в США. Вторая цель, преследуемая авторами, — предложить объяснение наблюдаемой в сравнительной перспективе истории институционализации академических карьер в социологии. В книге несколько раз поднимается так называемый большой мертоновский вопрос о поиске правильного устройства академического сообщества. Этот вопрос волнует всех участников похода к совершенной академической жизни — и многоликого чиновника, вынужденного принимать обоснованные решения о расходах в обмен на демонстрацию результатов и контролировать их исполнение, и университетского администратора, вынужденного обеспечивать оперативное и стратегическое управление большими коллективами не всегда дружелюбных академиков в условиях множественных внешних запросов и ожиданий, и представленных разными поколениями преподавателей и исследователей, вынужденных задумываться о своей карьере, вознаграждении и признании, проходя всевозможные экспертизы, отборы, конкурсы, диспансеризации и проч. Кстати, может показаться, что наиболее беззащитными являются изрядно уставшие академики, но вышедшая книга последовательно развенчивает миф о «слабом академике», участвующем в разнообразных карьерных экспериментах администраторов и чиновников. В разных национальных академических мирах эти участники обладают разным весом, аппетитом и возможностями его удовлетворить. При разговоре о правильном устройстве университета одних будет занимать

¹ В данном случае под академиками в широком смысле понимаются преподаватели и исследователи, работающие в разных организациях, а не только в Академии наук. Как пишут сами авторы, в России слово «академический» ассоциируется с Академией наук. В англо-американской традиции слово *academic*, наоборот, «исходно относится к сфере высшего образования, хотя и может быть употреблено расширительно для обозначения любых организаций, в которых работают учёные» (с. 5).

вопрос о справедливости распределения ресурсов, прозрачности механизмов отбора, продвижения кандидатов и получения постоянной позиции, а других — вопрос эффективности, который неизбежно будет выводить на первый план одних кандидатов и дискриминировать других. Вышедшая книга последовательно показывает, как сформировавшиеся за несколько столетий академические миры разных стран научились последовательно опровергать всевозможные подозрения в своём несовершенстве.

Желание совместить две задачи, а именно создать путеводитель карьериста-социолога и в то же время предложить адекватную теорию объяснения взаимосвязи карьерных лестниц и стратегий академиков, сделало книгу довольно объёмным и всеобъемлющим трактатом о мифах и парадоксах академической мобильности. «Как становятся профессорами...» — труд, превышающий по объёму 800 страниц. По признанию самих авторов, книга долго готовилась к изданию, а отдельные тезисы и доклады о российской социологии и социологах можно было прочитать в отечественных социологических журналах несколько лет назад [Соколов 2009; Соколов 2011; Сафонова 2012]. Книгу интересно читать. Монография насыщена богатым эмпирическим материалом, интересными биографическими и историческими фактами о социологах, университетах, образовательных и научных реформах XX века. В отдельных главах книга напоминает детектив или материалы расследования с привлечением цитат из интервью с основными участниками карьерного рынка. Академические системы пяти стран последовательно разоблачаются, при этом демонстрируется невидимая для «чужака» сторона процесса академического найма и завоевания академического олимпа.

Надо сказать, что это провокационная книга. Авторы несколько раз просят закрыть её тех романтиков и идеалистов, которые не готовы воспринимать приземлённую экономическую историю академического обмена. Такие книги неоднозначны при пересказах и интерпретациях. Невольно задаёшься вопросом: действительно ли авторы искренне думают именно так, как пишут, или это особенности академического стиля или чувства юмора? В книге можно найти фразы, способные стать крылатыми. Например, «теория обмена неполна без теории обмана» (с. 695) или «стремление избежать неудачи порождает интеллектуальную стерильность» (с. 808).

Книга состоит из предисловия, шести глав и заключения. Каждая глава, кроме шестой («Вместо заключения...»), посвящена институциональной истории одной из национальных систем академического найма социологов. Первая глава рассказывает о социологической карьере и институциональном многообразии французского академического мира; вторая повествует о тяжёлой судьбе социологического карьеризма в Германии; третья представляет мир американской социологии и кастовую архитектуру её академического найма; четвёртая глава объясняет принципы найма социологов в мире статусной иерархии британских университетов и департаментов; наконец, пятая расскажет читателю о силе дружеских сетей в российском академическом мире, а также о трёх племенах постсоветских социологов, предъявляющих разные требования к вопросам найма и продвижения академиков. При написании таких историй авторы опираются на разные виды источников и фокусируются то на индивидах, то на организациях.

Так, главы, посвящённые Германии и Франции, рассказывают об академическом найме с позиции самого карьериста, опираются на так называемую автоэтнографию, а также на экспертные интервью и вторичные материалы релевантных сайтов. Американская и британская главы написаны с опорой на интервью с преподавателями и администраторами, но в фокусе находятся не карьеристы, а организации, их нанимающие. Наконец, российская глава опирается на большой объём эмпирического материала — как интервью, так и количественные данные, — собранного за несколько лет исследований. Шестая глава монографии с громким названием «Академические карьеры, легитимные оптические системы и большой мертонианский вопрос» представляет собой попытку объяснить эволюции научных миров и закон академической карьеры с опорой на словари подозрений и политическую экономию ака-

демического обмана. Как пишут сами авторы, «культурную историю науки можно написать как смену словарей подозрений, которые широко применялись в отношении учёных. Эти словари можно классифицировать по эталонным фигурам антигероев, с которыми сравниваются реальные индивиды. Те её эпизоды, которые покрывает наша книга, в основном связаны с пришествием одного из них — словаря доктора Вов-Ху» (с. 692). В самом заключении авторы занимают определённую позицию, предлагая возможные варианты позитивного ответа на большой мертонианский вопрос и обсуждая условия положительного исхода борьбы с академическими пороками.

В течение всей книги авторы обсуждают так называемый большой мертонианский вопрос о системе «вознаграждений» в науке, обеспечивающих рост научного знания. С одной стороны, в поле науки и образования всё время «взращаются» таланты, идеи, открытия — необходимое содержание академической жизни и занятий. С другой стороны, само взращивание определяется социальной организацией академических сообществ. Изначально постановка вопроса звучит так: «<...> Какое из устройств академического мира обеспечивает наибольшую поддержку для таланта и оригинальности, и какое наиболее благоприятно для порождения и развития революционных идей?» (с. 20). Проведённое исследование пяти национальных систем отбора и воспроизводства научных работников приводит авторов к выводам, которые сложно назвать оптимистическими. Каждая из описанных систем, наряду с формальными институтами, обладает невидимой системой консенсусов, когда важными факторами построения академической карьеры становятся академическая генеалогия, научный протекционизм, лояльность, а иногда и дружба, которые рисуются как дискредитирующие значимые для развития науки «академические добродетели». Вместе с тем не трудно заметить, что уже в конце своего исследования поставленный авторами вопрос переформулируется несколько раз. Институциональная теория подозрений, предлагаемая для объяснения эволюции оптимальных карьерных стратегий в науке, предлагает иную постановку мертонианского вопроса: «Какая оптическая система наиболее успешна в стимулировании интеллектуальной деятельности коллективов, которые сквозь неё рассматривают?» (с. 694). В центре рассуждений находится возможность интеллектуальной работы в изначальной рамке недоверия и оппортунизма. Такая возможность выступает необходимым условием коалиционной игры, в которой каждый из агентов просчитывает выигрыши и проигрыши от вступления во взаимодействие. Сложность этой игре добавляет то, что в неё вовлечены агенты двух родов — не только (1) непосредственных участников академического обмена, но и тех, кто (2) выполняет функцию наблюдателей и оценщиков. Поскольку академическое взаимодействие исходит из ожидания виновности каждой из сторон, то агенты второго рода призваны дать независимую оценку и позволить принципалам и агентам первого рода принять адекватные решения. Проблема, однако, заключается в том, что сами агенты второго рода могут стать участниками сговора, и это порождает необходимость уже контроля над ними. Авторы описывают разные издержки и выгоды от разных форм осуществления такого контроля. В итоге, по мнению авторов, мы неизбежно приходим к главному вопросу, который позволяет объяснить различия в эволюции национальных академических систем, а именно: «Кто сторожит сторожей?». Вывод из анализа разных систем академического найма описан следующим образом: «Институты, придающие форму индивидуальным исследовательским карьерам, — морфология позиций с их правами и обязанностями, легитимные процедуры их заполнения, принципы принятия самых разных решений в академических организациях — возникают как своего рода политические компромиссы. Одной стороной этого компромисса являются разные группы аутсайдеров, желающих верить в сохранение контроля над происходящим внутри. Они требуют, чтобы им демонстрировали показатели, которые, как они считают, могут распознать, и провели процедуры в соответствии с тем, что кажется им гарантией добросовестности поведения участников. Второй стороной компромисса являются инсайдеры, которые несут экономические и моральные издержки, связанные с контролем над ними, но одновременно могут рассчитывать на выигрыши, если новая оптическая система позволит им перераспределить ресурсы в свою пользу» (с. 720).

В самом конце книги, однако, появляется другая версия мертонианского вопроса, которая отражает собственно позицию авторов на разрешение проблемы интеллектуального застоя: «В каких институциональных условиях интеллектуальное превосходство становится рыночным преимуществом?» (с. 797). И, отвечая на этот вопрос, авторы не придумали ничего лучше, как указать на конкуренцию за талант и контроль сообщества (или дисциплинарный салонный контроль), очищенного от сетевых связей, которые и становятся угрозой для развития дисциплины. Вот что пишут сами авторы, описывая российский случай: «Печальная особенность сети состоит в том, что возникающее обязательство тем больше, чем меньше шансов было бы у получателя блага стать его обладателем на основе чистых заслуг» (с. 518).

Монография, безусловно, поможет расширить читательский кругозор и разобраться в работе пяти академических систем в сравнительной и исторической перспективе. Избирательное сродство институтов, ресурсов и мотивов (а шире — морали) позволяет обнаружить специфику французской, американской, немецкой, британской и российской моделей академического найма. Сравнительное описание специфики также снимет у ряда коллег, наиболее переживающих за судьбу «русской социологии», наболевшие вопросы о том, почему у нас не так, как у них, а у них не так, как у нас.

В действительности академические системы выбранных для анализа стран обладают несколькими общими чертами. Во всех описанных случаях можно наблюдать примерно одинаковый набор уровней, составляющих преподавательскую иерархию: позиции ассистента, доцента и профессора. В каждой стране присутствуют свои дополнительные ответвления, которые работают как промежуточные звенья в карьерных цепочках. Где-то, как в России, дополнительно выделяются позиции преподавателя и старшего преподавателя, в Германии — позиции младшего и полного профессора. В Великобритании различие позиций задаётся обязательствами преподавателя и исследователя. Общими для всех иерархических систем академического найма является связь последовательности перехода на новую ступень и возможностей, ею предоставляемых (длительность контракта, свобода выбора направления, наличие административных обязанностей, величины заработной платы и т. п.) (с. 726–727). Вместе с тем, каждая система обладает собственной конфигурацией организационных форм академической работы, дисциплинарных границ, институтов индустриального и салонного контроля, разнообразия ресурсных ниш и типов контрактов.

Из описания французского случая мы узнаём о том, как приходится выстраивать карьеру социологу в мире институционального разнообразия. Несмотря на определяющую роль государства в институционализации французской социологии, академия здесь не является организационно единообразной. В этом поле сосуществуют разные институты, принимающие на работу социологов и выделяющие гранты на их работу. Французские университеты, *grande école* и *grand établissements*, — всё это разные категории учреждений, предъявляющие разные требования к найму и продвижению преподавателей и научных сотрудников. Возникнув в разное время и под разные задачи, Нантский университет, Эколь Нормаль, Высшая школа исследований в социальных науках обладают разным статусом и ожидают от своих сотрудников разного усердия в преподавании, исследованиях, административной работе. Государственный центр научных исследований также становится важным работодателем для социологов, распределяя финансирование для научных лабораторий в университетах. В системе отбора и продвижения преподавателей необходимо для начала защитить диссертацию и получить квалификацию в государственном университетском совете (с. 103). В дальнейшем, при переходе на постоянную позицию доцента или на чисто научную позицию в лаборатории, приобретают значение «профиль», изданные книги и публикации, административное рвение. Процедуры найма в разных категориях учреждений также различаются по составу комиссий, принципу голосования и рассмотрению кандидатур. Напряжение возникает при переходе доцента в профессора, что предполагает получение и защиту хабилитации, а в дальнейшем — прохождение квалификации в государственном университетском совете

(с. 135). Помимо публикаций, исследовательского и административного опыта, приобретают значение политические факторы, наличие связей в том или ином научном лагере, обеспечивающих протекцию кандидату. Зачастую именно здесь проявляется борьба научных школ за собственное воспроизводство. В этом смысле один из практических советов заключается в выборе научного руководителя и темы диссертации. На вершине академического олимпа находится статус «мандарина», обладающего символической властью в академическом мире: «Его имя известно любому члену сообщества; о нём ходит много слухов, в частности о том, что он может пристроить любого своего ученика; он занимает несколько позиций на стыке между научным и “внешним” миром; и некоторые из этих статусов почётны, он является не только учёным, но и интеллектуалом широкого профиля» (с. 141). Мандарины — люди неординарные, а их биографии атипичны. Как пишут авторы рецензируемой книги, до мандарина надо «дозреть».

Описание архитектуры британского академического рынка, на котором нанимаются и трудятся социологи, начинается с важного замечания, которое определяет институциональный ландшафт всей университетской системы. Речь идёт о том, что иерархия британских университетов связана с порядком их возникновения (с. 325). Отдельными признаками существования такой иерархии являются позиции британских университетов и департаментов в рейтингах, доля средств, выделяемых на науку через финансовые советы, объём эндаумента и уровень студентов, зачисленных на программы бакалавриата и др. Принцип «порядок рождения определяет статус» обеспечивает воспроизводство иерархии не только университетов, но и отдельных дисциплин. Вместе с тем институционализация британской социологии начинается не в старых, а в более молодых краснокирпичных университетах, что определило её более высокий статус именно в них, а не в Оксбридже. Система академических позиций является наиболее разветвлённой в силу наличия нескольких треков — преподавательского, исследовательского или смешанного. Они, в свою очередь, имеют внутреннюю систему рангов, на вершине которых находится профессорская позиция. По отношению к разным трекам будут характерны разные системы стандартов и оценок. Британский академический мир включает централизованные системы оценивания исследований (Research Assessment Exercise — RAE) и преподавания (Quality Assurance Agency for Higher Education — QAA), представленные соответствующими агентствами. В зависимости от оценок, получаемых академиками, происходит ранжирование департаментов, что учитывается при распределении финансирования. С одной стороны, британский случай академического найма и карьеры является наиболее открытым и предсказуемым, а с другой — рынок труда здесь сегментирован, что повышает роль клубных или личных — оставшихся со времён обучения в докторантуре — связей кандидатов.

Германская система построения академической карьеры характеризуется в рецензируемой книге как наиболее жёсткая и забюрократизированная. «Неуверенность в завтрашнем дне и сложность обретения постоянной позиции являются непрекращающейся болью учёных в Германии» (с. 157). Отсутствие ярко выраженной иерархии и конкуренции университетов, характерное для британской и американской систем найма, компенсируется набором ограничений, запретов и процедур, не позволяющих кандидату сидеть на одном месте. В этом наборе — ограничения академического времени и запрет на внутривузовское назначение на должность. Уже в самом начале пути кандидат ограничен временными рамками подготовки и защиты диссертации (шесть лет) и в дальнейшем — хабилитации (тоже шесть лет). Несмотря на снижение веса этой последней, для получения профессорской должности и введением самодостаточной позиции младшего профессора хабилитация до сих пор имеет значение входного билета в академическую элиту. Не являясь формальной степенью, хабилитация является самым жёстким статусным ритуалом академической биографии в Германии (с. 180). Дополнительно узкая специализация, характерная для академической работы в Германии, задаёт определённые требования к исследованиям и журнальным публикациям социологов. Занятию профессорской позиции предшествует длительный период согласования вакансий и заявок на уровне факультета и ректората, комиссии

и рецензирование работ кандидата. Подводя итоги, в самом конце немецкой главы авторы советуют: «Прочитай другие главы этой книги и подумай: может быть, вместо Германии попытать счастье где-нибудь ещё?» (с. 228).

Институциональное устройство американского академического мира сильно выделяется на фоне остальных. Его населяют как государственные, так и частные университеты с широкой экономической и управленческой автономией, а также с сильной конкуренцией за аудитории и ресурсы как на уровне университетов, так и на уровне отдельных департаментов. Роль государственных регулирующих и контролирующих органов сводится к минимуму, а роль различных профессиональных и сертифицирующих ассоциаций, напротив, является значительной. Большинство позиций на академическом рынке труда не долгосрочны и уж тем более не пожизненны (*tenure*). Преподаватели меняют несколько университетов в течение академической биографии, пока им не выпадет шанс вступить в серьёзные отношения с одним-единственным университетом. Три кита американского академического найма — это известность степени, рекомендации от значимых учёных и публикации в хороших журналах. Опираясь на обзор количественных исследований, авторы утверждают, что «публикационная активность является менее важным фактором при принятии решения о найме, чем академическая генеалогия, — то, какой университет присвоил кандидатскую степень» (с. 237). Нельзя сказать, что публикации и рекомендации не имеют значения, но внимание к ним часто опосредуется именно принадлежностью степени к определённому университету.

Российский случай академических карьер описывается наиболее подробно. Ему присущи институциональное многообразие, не меньшее, чем во французском академическом мире; схожая с британским случаем централизация в части процедур оценивания преподавания и публикационной активности; дистанция по отношению к американскому кейсу в части значения профессиональных ассоциаций (салонного контроля), роли инбридинга и мобильного рынка академических вакансий. Российский, или постсоветский, случай академической социологии характеризуется сосуществованием нескольких политических культур и сетей обменов внутри одного национального кейса. Выделенные сети, или академические племена, названы авторами книги по типу приверженности той или иной модели академической жизни вест-сайдом, ист-сайдом и олд-центром. Интересные различия в культурно-политических взглядах разных сторон социологического бомонда можно увидеть в приведённой авторами на страницах 530–531 таблице 2 (глава 5 «Интерлюдия: сети и культуры в российской социологии»), на так называемой шкале либерализма — консерватизма. Говорящие названия выделенных племён дополняются буквально персонализированными сетями их связей и академического внимания. Важно, что различия между ними просматриваются в стилях академической работы, принципах контроля, ориентациях на разные ресурсные ниши и, в конечном счёте, в утверждении разных оптических систем.

Сравнивая пять академических систем, авторы опираются на несколько критериев: (1) степень отклонения от традиционной модели классового профессорского контроля (ближе Германии) в сторону либо демократической, либо менеджериальной (ближе США и Великобритании); (2) значение централизованных коллегиальных органов, репрезентирующих дисциплины (США); (3) стимулирующий соревновательный (США, Британия) или селективный (Франция, Германия) характер продвижения сотрудников по карьерной лестнице; (4) значение индустриальных оптических систем (формальных показателей) в регулировании академических рынков (с. 786–787). Культурная разнородность российского случая позволяет увидеть смещение на данных шкалах в зависимости от принадлежности к западному, восточному или старому режиму академической жизни.

Книге, насыщенной разнообразными и многозначными терминами, не хватает единого предметного указателя. Он позволил бы собрать теоретический словарь для описания национальных академических миров, а также определить, как используемые концепты пронизывают разные части монографии

и нет ли где смещений в сторону американской или российской главы, которые, судя по описанию, в большей степени соответствуют модели институционализации подозрений, чем, например, немецкая или французская глава. Отдельного интереса заслуживает категория «оптические системы». С её помощью объясняется динамика рынков академического найма. Авторы определяют оптические системы как «наборы упорядоченных категорий и правил, которые используются для помещения объекта в ту или иную категорию» (с. 688). Экономическая социология в известной степени отличается разнообразием подходов и концептов, которые вбрасываются в результате авторских исследований промышленной политики, корпоративного управления, систем здравоохранения и т. д. По ходу знакомства с новыми публикациями в рамках так называемого политико-культурного подхода к рыночным институтам возникает желание уточнить и прояснить известные понятия, которые позволяют или не позволяют увидеть похожее на разных объектах или, наоборот, разное на одинаковых. Так, определение понятия «оптическая система» и его дальнейшая операционализация перекликаются с понятием «концепция контроля»², используемым Н. Флигстиным для объяснения воспроизводства стабильного порядка рыночного взаимодействия, и с понятием «институциональные логики»³, используемым Р. Фридлендом и Р. Альфордом, Р. Скоттом, П. Торнтон для демонстрации разных институциональных порядков, направляемых институциональными акторами, например, в сферах здравоохранения и издательском бизнесе. Самоопределение по отношению к известным концептуализациям институциональной и политической динамики позволило бы вписать работу в генеральную рамку институциональной теории.

Институциональная история академического найма социологов, написанная коллективом авторов, в известной степени пересекается с не так давно вышедшей монографией Марион Фуркад «Экономисты и общества» [Fourcade 2009]. Один из тезисов книги Фуркад состоит в том, что историю формирования экономической профессии и экономического знания нельзя писать просто как историю экономических идей и учений, сменяющих друг друга и являющихся универсальными независимо от национального контекста. Бросая вызов идее универсализма экономики, Фуркад показывает, каким образом политическая культура во Франции, в Великобритании и США определила процесс институционализации принципиально разных типов экономической профессии в течение XX века. Это, в свою очередь, определило и определяет до сих пор, каким образом экономисты производят знание о реальности хозяйства и как оценивают разные политические суждения об управлении экономикой [Fourcade 2009: 6]. Было бы интересно связать логику развития институциональной истории академического найма и производство знания. Какие теории, методы, инструменты, а в результате — идеи, вопросы и знания о социальной реальности выходят на первый план? А какие, наоборот, переходят на склад академической индустрии и, возможно, никогда не дождутся своего ренессанса? Что происходит с социологическим знанием и его востребованностью разными агентами, если академическая генеалогия, протекционизм, статусная замкнутость, эпохализм и т. п. признаются элементами национальных систем академической мобильности?

² «Концепции контроля (*conceptions of control*) обозначают представления, структурирующие восприятие того, как работает рынок, и позволяющие акторам интерпретировать свой мир и контролировать ситуации. Концепция контроля — это одновременно и мировоззрение, позволяющее акторам объяснять действия других, и представление о том, как структурирован рынок» [Флигстин 2003: 47].

³ Институциональные логики (*institutional logics*) — это совокупность материальных практик и символических конструкций, которые конституируют принципы организации поля и могут достраиваться коллективными и индивидуальными акторами [Friedland, Alford 1991: 248]. Трансформация господствующих логик, в том числе правил (например, позволяет ли представителям альтернативной медицины лечить больных) и систем убеждений (например, следует ли федеральному правительству оплачивать медицинские услуги), отражает серьезные изменения в организационном поле [Скотт 2007: 30].

Литература

- Доббин Ф. 2012. *Формирование промышленной политики: Соединённые Штаты, Великобритания и Франция в период становления железнодорожной отрасли*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Сафонова М. А. 2012. Сетевая структура и идентичности в локальном сообществе социологов. *Социологические исследования*. 6: 107–120.
- Скотт Р. 2007. Конкурирующие логики в здравоохранении: профессиональная, государственная и менеджериальная. *Экономическая социология*. 8 (1): 27–44. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2007-8-1.html>
- Соколов М. М. 2009. Несколько замечаний о девальвации учёных степеней: Экономико-социологический анализ динамики символов академического статуса. *Экономическая социология*. 10 (4): 14–30. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2007-8-1.html>
- Соколов М. М. 2011. Рынки труда, стратификация и карьеры в советской социологии. *Экономическая социология*. 12 (4): 37–72. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2011-12-4.html>.
- Флигстин Н. 2003. Рынки как политика: политико-культурный подход к рыночным институтам. *Экономическая социология*. 4 (1): 45–63. URL: <https://ecsoc.hse.ru/2003-4-1.html>.
- Friedland R., Alford R. 1991. Bringing Society Back in Symbols, Practices, and Institutional Contradictions. In: Powell W. W., DiMaggio P. J. (eds) *The New Institutionalism in Organizational Analysis*. Chicago: University of Chicago Press; 232–263.
- Fourcade M. 2009. *Economists and Societies: Discipline and Profession in the United States, Britain, and France, 1890s to 1990s*. Princeton: Princeton University Press.

NEW BOOKS

Ivan Pavlyutkin

Political Economy of Academic Exchange: How Do Sociologists Become Professors?

Book Review: Sokolov M., Guba K., Zimenkova T., Safonova M., Tchuykina S. (2015) *Becoming a Professor: Academic Careers, Markets and Power in Five Countries*, Moscow: New Literary Observer, 832 p.

PAVLYUTKIN, Ivan — PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Sociology; Senior Research Fellow, Laboratory for Studies in Economic sociology, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation

Email: ipavlutkin@hse.ru

Abstract

This review discusses the collective monograph “Becoming a Professor: Academic Careers, Markets and Power in Five Countries” published by New Literary Observer in Moscow. The authors of this voluminous book pursued two goals at the same time. First, they sought to prepare a guidebook on academic careers in France, the USA, Germany, Great Britain, and Russia for young sociologists who are thinking ahead about their professional pathway. Based on various data sources (interviews, secondary data, autoethnography), they present an institutional history of the formation of academic sociology as a profession and describe the main trajectories

in the academic biography of sociologists in five countries. Second, they find differences in institutional and extra-institutional mechanisms of recruitment for sociologists and offer a theoretical explanation. They offer the category of “optical systems” as a cultural framework of university organization used by various external and internal agents with different types of resources and motivation. “Optical systems” become an important source of coping with distrust and the fear of being cheated by “noble swindlers,” since the dynamics of the academic world are forced by the replacement of the suspicions vocabulary. In this review, we give a brief analysis of the chapters, presenting the advantages and weaknesses. This book discusses several important issues: morals and markets in academia; the impact and work of economic incentives; and the strengths and weaknesses of social networks, academic pathways, and political culture. Because of its provocative statements, incriminating comments, and polemic conclusions, this book is worth reading for all those who are involved in the modern system of higher education and science—academics, civil servants, governors, and of course, various experts.

Keywords: academic career, optical systems, institutional history, moral, academic markets, Mertonian question.

References

- Dobbin F. (2012) *Formirovanie promyshlennoy politiki: Soedinennye Shtaty, Velikobritaniya i Frantsiya v period stanovleniya zheleznodorozhnoy otrasli* [Forging Industrial Policy. The United States, Britain, and France in the Railway Age], Moscow: HSE Publishing House (in Russian).
- Friedland R., Alford R. (1991) Bringing Society Back in Symbols, Practices, and Institutional Contradictions. *The New Institutionalism in Organizational Analysis* (eds. W. W. Powell, P. J. DiMaggio), Chicago: University of Chicago Press, pp. 232–263.

- Fligstein N. (2003) Rynki kak politika: politiko-kul'turnyj podhod k rynochnym institutam [Markets as Politics: A Political-Cultural Approach to Market Institutions]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 4, no 1, pp. 45–63. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2003-4-1.html> (accessed 22 September 2016) (in Russian).
- Fourcade M. (2009) *Economists and Societies: Discipline and Profession in the United States, Britain, and France, 1890s to 1990s*, Princeton: Princeton University Press.
- Safonova M. A. (2012) Setevaya struktura i identichnosti v lokal'nom soobshchestve sotsiologov [Network Structure and Identities in the Local Community of Sociologists]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 6, pp. 107–120 (in Russian).
- Scott R. (2007) Konkuriyushchie logiki v zdravookhranении: professional'naya, gosudarstvennaya i menedzherial'naya [Competing Logics in Healthcare: Professional, State and Managerial]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 8, no 1, pp. 27–44. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2007-8-1.html> (accessed 22 September 2016) (in Russian).
- Sokolov M. M. (2009) Neskol'ko zamechaniy o deval'vatsii uchenykh stepeney: ekonomiko- sotsiologicheskiy analiz dinamiki simvolov akademicheskogo statusa [Some Remarks on Devaluation of Academic Degrees: Dynamics of Symbols of Academic Status from Economic Sociology Perspective]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 10, no 4, pp. 14–30. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2009-10-4.html> (accessed 22 September 2016) (in Russian).
- Sokolov M. M. (2011) Rynki truda, stratifikatsiya i kar'ery v sovetskoy sotsiologii [Labour Markets, Stratification and Careers in the Soviet Sociology]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 12, no 4, pp. 37–72. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2011-12-4.html> (accessed 22 September 2016) (in Russian).

Received: September 19, 2016

Citation: Pavlyutkin I. (2016) Politicheskaya ekonomiya akademicheskogo obm(e)ana, ili Kak sotsiologi stanovyatsya professorami [Political Economy of Academic Exchange: How Do Sociologists Become Professors?]. Book Review: Sokolov M., Guba K., Zimenkova T., Safonova M., Tchuykina S. (2015) *Becoming a Professor: Academic Careers, Markets and Power in Five Countries*, Moscow: New Literary Observer, 832 p. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 17, no 4, pp. 190–200. Available at: <https://ecsoc.hse.ru/2016-17-4.html> (in Russian).